

АРХАИЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

С. П. ШЕВЦОВ

Одесский национальный университет, Украина

sergiishevtsov@gmail.com

SERGEY SHEVTSOV

Odessa National University, Ukraine

THE ARCHAIC UNDERSTANDING OF LAW: AN ETYMOLOGICAL APPROACH

ABSTRACT: The article suggests a comparative analysis of the existing etymologies of legal terms: the Greek *thémis*, *dike*, *nómos*, and the Latin *lex* and *ius*. Based on their correlation with the equivalent etymologies in other European languages, namely Romance, Germanic, and Slavic, as well as their connection to terms of spatial orientation (right / left), the author proposes a hypothesis that in archaic community the law was understood as the world order proclaimed within the human society by the one who draws a straight way and leads along it (the chief \ leader).

KEYWORDS: *themis*, *nomos*, *ius*, *lex*, law, primitive society, right, left, etymology.

«Ориентиром, выводящим на правильный путь, стал для меня вопрос, что, собственно, призваны означать в этимологическом отношении принятые в различных языках обозначения...», – так говорит Ницше (2012, т. 5, с. 245) в поисках начал морали. Завидная уверенность! Но для начал права этимология – соблазнительный, и все же сомнительный источник. Не из имен нужно изучать и исследовать вещи, – говорит Сократ в *Кратиле*, – но из них самих (439 b). Применимость этимологии и сами ее принципы часто служат предметом критики даже этимологов. «Пока же этот вопрос (о критериях надежности. – С. Ш.) не поставлен надлежащим образом, и строгие критерии правильности (истинности) при этимологическом анализе заменяются интуицией, которая – в конечном счете – обычно зависит от уровня знаний и личного опыта того или иного этимолога» (Гопоров 2005, 22). Вместе с тем, этимология позволяет заглянуть туда, куда не добраться иными средствами. И в данном случае она очень важна: сама проблема вынуждает к этому. Имея дело с пред-

метом, вокруг которого уже несколько веков ломаются копья и кипят страсти, будет излишней расточительностью пренебрегать возможностями, предоставляемые языком.

Этимологии конструируются по сложному составному набору принципов, в каждом отдельном случае эти принципы разнятся, но все же для лингвистов на первом месте остаются принципы чисто лингвистические. Меня же куда более интересует семантика, которая для лингвистов только один из компонентов анализа, часто – далеко не главный. Приведенные ниже этимологии сложились давно, в начале прошлого – конце позапрошлого века, а некоторые и того раньше. Существенного изменения за сто прошедших лет они не пертерпели.

Латинское *jus*, английское *law*, французское *droit*, немецкое *Recht*, испанское *derecho*, итальянское *diritto*, русское *право*, украинское *право* – выделяют разные стороны, казалось бы общего понятия. Как выразил эту мысль Э. Бенвенист, «существует множество слов для *права*, но они являются специфическими в каждом из языков» (1995, 299).

В древнегреческом языке существовало несколько слов, для выражения правовых отношений: *θέμις* (*thémis*), *θέμιστες* (*thémistes*), *νόμος* (*nómos*), *δίκαιον* (*dikaion*), *δίκη* (*díke*). Традиционно именно последний термин рассматривается как наиболее приближенный современному понятию «право». *Θέμις* и *νόμος* переводятся обычно как «закон». *Θέμις* – атрибут правителя (басилея), но происхождение его божественно (кроме того, *Θέμις*, Темис, Фемида – имя титаниды, второй супруги Зевса, матери мойр, позднее представленной как богиня правосудия, Harrison 2010, Ch. XI). «*Θέμιστες* изначально были авторитарными решениями, принимаемыми единым главой, монархом рода или просто главой семьи. Накапливаемые из века в век, *θέμιστες* образовали некое подобие свода традиций в каждой семье, анонимного, таинственного, получившее абстрактное наименование *θέμις*» (Glottz 1904, 21). Глотц полагал, что *θέμις* обозначает внутрисемейное право как основание всеобщего порядка и противостоит *δίκη*, «которое есть межсемейное родовое право» (Glottz 1904, 22). Этому положению Глотца следует Бенвенист (1995, 301). Некоторые исследователи возводят *θέμις* к индоевропейскому корню *d[h]eH-m- (производного от *d[h]eH- «ставить», «класть»), означавшему «относящийся к ритуально-правовому установлению» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, II, 810). По мнению Глотца, в определенный период *θέμιστες* образовал своего рода кодекс, «унаследованный в своё время всеми семьями города и даже всеми городами» (Glottz 1904, 21). Эта точка зрения на существование единого греческого права и правовых институтов, распространенная среди континентальных историков, под влиянием англо-американских оппонентов в середине 50-х годов прошлого века была пересмотрена и в конечном итоге свелась к единству базовых правовых идей (Gagarin 2005, 29–30).

Большинство исследователей согласны, что с конца VI века *θέμις* постепенно вытесняется термином *νόμος*, но причины и механизм этого остаются предметом дискуссий. Буквальное значение *νόμος* – разделять, наделять (зем-

лей, имуществом) по закону (ср. νομός - пастбище).¹ Но в широком смысле этот термин обозначает также закон, право и обязанность (ἄγραφοι νόμοι – неписанные законы, но законы Дракона (ок. 621 г. до н. э.) – θεσμός, родственное θέμις). Процесс вытеснения одним термином другого связывают также с появлением писаных законов, но здесь мнения расходятся – ряд исследователей полагают, что писаные законы были лишь дополнением к неписаным (Rainer 1993, 493), в то время как их противники настаивают на том, что записывались лишь спорные нововведения как раз с целью укрепить их и сделать постоянными (Thomas 2005, 58 ff).

Δίκη – формальное право, право по формуле, определяющей, что делать в каждом конкретном случае (в основе – корень со значением «класть, устанавливать»)². Другие значения этого термина обозначают законность, справедливость; обычай, привычку, способ бытия; судебный процесс, приговор, возмездие и др. (Дворецкий 1958, I, 406). Ю. Покорны возводит его к индоевропейскому корню *deik-* («показывать, проявлять»)³ Гамкрелидзе и Иванов – к индоевропейскому **teik[h]-*, определяя его значение как «предначертание, указание, направление, закон».⁴ По мнению Йегера, δίκη означает «подобающую долю», то есть возмещение ущерба: потерпевшая сторона «берет дике», виновный «дает дике», судья «назначает дике», но одновременно слово означало процесс, суд и наказание (Йегер 2001, 139). Δίκη – это прежде всего изрекаемое слово (тот же корень в лат. *dico* – говорю), но не любое, а слово судьи, такое, которое устраняет произведенную несправедливость, неправость. Этическая норма права, говорит Бенвенист, в том смысле, как она понимается нами сегодня, не отражается в δίκη. «Слово постепенно освободилось от обстоятельств, при которых оно изрекалось, чтобы положить конец злоупотреблениям. Эта юридическая формула со временем становится обозначением самого права, когда к δίκη прибегают, дабы пресечь βία – силу» (Бенвенист 1995, 305).

«Настанет день, когда δίκη, пронизанное θέμις, будет править в обществе, в то время как θέμις начнёт относиться к почти идеальному миру: θέμις, в противоположность δίκη, станет чем-то вроде внутреннего чувства справедливости, противопоставляемого официальной юридической деятельности снаружи, как моральное сознание, противопоставляемое действующему праву, как божественная справедливость, противопоставляемая справедливости человеческой».⁵ Это мнение Гюстава Глотца особенно интересно (ему следует ряд позднейших исследователей, в том числе Э. Бенвенист), если учесть, что «справедливый», как и «справедливость» происходят именно от δίκη – δίκαιος и δίκαιοσύνη, соответственно. Почему термин, обозначающий внешнюю фор-

¹ Бенвенист (1995, 72) ссылается на Laroche (1949, 1) по данному вопросу.

² Бенвенист 1999, 303; Chantraine 1999, 283–284.

³ Pokorny, II, 189.

⁴ Гамкрелидзе, Иванов 1984, II, 806.

⁵ Glotz 1904, 22.

мульную процедуру, порождает понятия, относящиеся к совершенно иному полю, остается загадкой; Бенвенист, например, ограничивается тем, что характеризует этот процесс как «величайшие изменения в языке и социальных институтах» (Бенвенист 1995, 318).

Стоит отметить, что ни лингвисты, ни историки не связывают $\theta\acute{\epsilon}\mu\varsigma$ и $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ иначе, чем противопоставлением или простым дополнением. Но важным представляется тот факт, что $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ предстает как инструмент восстановления нарушенного миропорядка (то есть, $\theta\acute{\epsilon}\mu\varsigma$ 'а, $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ 'а в одном из их значений).⁶ «...Идеальный царь “разбирает” (глагол $\delta\iota\alpha\kappa\acute{\iota}\nu\omega$ в *Теогонии* 85), что является “божественным установлением”, $\theta\acute{\epsilon}\mu\varsigma$, а что нет (85) с помощью $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$, которая тем самым служит указанием (ср. латинское *indicāre* «указывать», где *-dic* родственно греческому $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$), а значит, “решением”» (Надь 2002, 94–95). Можно предположить, что «право» у греков не было единым понятием, как сегодня, а представляло собой целый «пучок» лексем, означающих в разных аспектах процесс соотнесения собственной жизни к миропорядку и, одновременно с этим, – действий, необходимых для приведения этих двух планов бытия в соответствие друг с другом. И в каждом из понятий (названных здесь, а также еще некоторых) были обозначены различные стороны этого отношения. При этом космический миропорядок должен быть соотнесен не с отдельным индивидом, а с миропорядком группы – семьи, рода, полиса. Этот фундаментальный общественный характер греческой культуры (неотъемлемой частью которого выступает право) дает основание М. Гагарину именно грекам приписать «изобретение» права (Gagarin 1986, 144).

При сходстве и близости ряда форм римское право носит характер, существенно отличный от греческого. В терминологии это различие находит свое выражение лишь отчасти. В латинской традиции и языке за «правом» закреплён термин *iūs* (древнее написание *iōus*), *iūris*⁷: *iūs civile* – гражданское право, *iūs gentium* – право народов, но первоначально был, вероятно, просто *iūs*, его позже, уже в классическую эпоху⁸ назвали *iūs Quiritium* (то есть, правом квиристов – древнее название граждан Рима). Именно римляне и считаются создателями права, римское право изучается до сих пор не только как образец права, но оно составляет основу ряда европейских правовых систем современности.

Отметим сразу: римское право прошло долгий путь развития, в том числе терминологического. Если – как в данном случае – мы рассматриваем этимологию основных терминов, то нас будет интересовать именно их первоначальное значение. Поэтому, говоря о римском праве, мы будем говорить не о том пра-

⁶ На это указывает Аристотель в *Никомаховой этике* (1137b12–29).

⁷ Первоначально *j* использовался как вариант символа *i*. Окончательно эти буквы стали различать в XVI веке. Поэтому сегодня в равной мере используются написания *iūs* и *jūs*. Мы будем придерживаться первого написания.

⁸ Классической эпохой римского права принято называть первые 250 лет новой эры. Но есть и другие позиции, например, началом полагают I век до н. э. См. VerSteeg 2010, 98.

ве, как оно излагается в учебниках, не о том, что континентальные юристы до сих пор считают *ratio scripta* (писанным разумом), не о праве классического периода, доступном нам главным образом в его византийском изложении VI века, и уж тем более не о римском праве эпохи его рецепции. Речь будет идти именно об архаическом праве, насколько это может позволить существующий уровень этимологии; но при этом его поздние преобразования нам тоже придется учитывать.

Основные значения *ius*: 1) право (как совокупность законов), 2) право (субъективное право, *ius civitas* – право гражданства), 3) преимущество или привилегия, 4) власть. Это значения уже классической латыни. Происхождение термина неясно. Несомненна связь данного слова с произнесением клятвы (*ius iurandum*), что предполагает буквальное повторение обязывающей формулы религиозного характера.⁹ Связь данного термина с религией отмечают едва ли не все исследователи: Э. З. Вортон связывает его с авестийским *yaosh* “благополучие, достаток”¹⁰; А. Вальде – со староиндийским *yōh* “благо, благополучие, счастье”¹¹; М. Бреаль и А. Байи – с санскритским *yaus* “религиозные формулы”¹²; А. Эрну и А. Мейе видят эквиваленты *iōus* в индо-иранском в следующих зафиксированных формах: ведийском *yōh* “здравствуй!”, авестийском *yaoh-dadaiti* “очищает, делает ритуально чистым”, другой возможной гипотезой, по их мнению, является возведение *iōus* к индоевропейскому корню **ye/ous* или **yowes*.¹³ Э. Бенвенист отдает предпочтение второму варианту, возводя *ius* к общеиндоевропейскому корню **yaus* и отмечая различие употребления его в индийском и иранском: в одном случае он означает «то, что должно сделать», в другом – «то, что должно сказать». По его мнению, латинский термин соединяет в себе оба эти значения (Бенвенист 1995, 307). Этапы постепенно происходившей десакрализации не вполне ясны. Т. Моммзен (Mommmsen 1888, 310) этимологически связывал *ius* с глаголом *iubere* (приказывать). М. Бартошек (1989, 163) приводит другую вероятную этимологию, к сожалению, не указывая источника: от санскритского *ju* – вязать.

Вместе с тем для большинства римлян, по крайней мере до классического периода, «правом» в позитивном смысле, в качестве свода законов, были, безусловно, законы XII Таблиц (V век до н. э.). Они еще в школе учили их наизусть, как о том свидетельствует Цицерон (*О законах* II, 4, 9), хотя к его времени язык так изменился, что мало кто понимал смысл заученного. Законы XII Таблиц обозначались термином *lex*. Цицерон, отвечая на вопрос о сущно-

⁹ «Религиозная формула, обладающая силой закона» (Ernout, Meillet 2001, 329).

¹⁰ *Etyrna Latina*, p. 50.

¹¹ Walde 1910, 399.

¹² Breal, Bailly 1918, 143–144.

¹³ Ernout, Meillet 2002, 330.

сти права (*ius*), выводит его из *lex* («...возникновение права следует выводить из понятия закона») (*О законах* I, 6, 19).¹⁴

Несомненно, *ius* и *lex* находились в тесной взаимосвязи, хотя проследить ее достаточно нелегко – она не соответствовала сегодняшнему разделению «права» и «закона». Оба термина, по всей вероятности, включали в свою семантику элемент отнесения к божественному мироустройству. М. Бартошек (1989, 178–179), правда, считает, что первоначально *lex* означал «всякое правило, которое римский гражданин устанавливает для себя или вместе с другим», и лишь затем стал «общим предписанием», «общей клятвой государства». Ж.-П. Бо (2011, 261), в известной степени вольно толкуя статью Эрну-Мейе, говорит, что *lex* – «это то, что должно быть выбито и выставлено в городе»; по его мнению, от первоначального значения религиозного закона этот термин сохранил немного. Для других авторов связь *lex* с божественным началом (началами) несомненна. Бреаль и Байи возводят его к *legère* (в значении «читать»¹⁵), проводя параллель *lex* : *legère* также, как *rex* : *regère* (правитель, царь – править, управлять).¹⁶ Вальде возводит его к индогерманскому корню *ǵ* (религиозный предмет, религиозный обычай), из того же корня – древнеисландский *log*, англосаксонский *lagu*, английский *law*.¹⁷ На языковую близость формул законов XII таблиц и молитв обращает внимание Э. Мейер, по ее мнению, *lex* соединял в себе провозглашение формулы и цель, с которой она произносилась (Meuer 2004, 47). Она в значительной мере следует Магделейну, кто в свое время попытался суммировать предшествующие попытки объяснить понимание римлянами *leges* (мн. ч. от *lex*). Он пришел к выводу, что римляне верили, что за самыми различными употреблениями этого термина стоит общее значение, указывающее на божественное начало миропорядка (Magdelain 1978, 12–22). К этому можно добавить мнение Э. Бенвениста (1995, 319), полагавшего, вслед за Цицероном, что термин *religio* родственен *legère* (он его толкует как «собирать, возвращать к исходному виду, признавать»). Еще добавим мнение Цицерона, который, противопоставляя римский *lex* греческому νόμος, видел в последнем разделение, при котором каждый получает свое, а в первом – свободный выбор индивида (Цицерон выделяет значение *legère* «выбирать») (*О законах* I, 6, 19). Л. Кофанов (2003), сравнивая различные толкования значения термина *lex* как римскими авторами, так и позднейшими исследователями, формулирует свои выводы следующим образом: «можно определить закон в понимании античной традиции как письменно зафиксированный приказ народа, принятый народным собранием, подтвержденный клятвой, в силу которой он становится обязательным для всех римских граждан. Клятва всего

¹⁴ Цицерон 1966, 95.

¹⁵ Глагол *legère* имел широкое поле значений: собирать; сматывать; похищать, проходить; комплектовать; выбирать; видеть; читать вслух.

¹⁶ Breal, Bailly 1918, 159.

¹⁷ Walde 1910, 424.

гражданского коллектива обеспечивала принудительную силу закона». Можно сделать общий вывод, что закон (*lex*) означал для римлян некий фиксированный людьми (позже – записанный и выставленный) фрагмент миропорядка, который требовал торжественного публичного провозглашения (чтения), воспроизводя тем самым аналогичный порядок в римской общине. *Ius* в этом смысле значил нечто другое.

Э. Бенвенист (1995, 319) пишет, что *ius* отличался от *fas* (особого термина, обозначающего божественные законы). Но далее он представляет это различие как оппозицию, что верно с точки зрения лингвистики, но вовсе не обязательно с точки зрения правовой культуры и правосознания. Скорее, прав М. Бартошек, признававший отличия между этими терминами,¹⁸ но по чьему мнению *fas* первоначально означал «область жизненных отношений, которую боги оставили на усмотрение людей, включая *ius*».¹⁹ Существуют и средние позиции (например, по мнению М. Фоген (Foggen 2002, 87) «*Fas* и *ius* четко разделены, их полное пересечение – после раннего отделения *rex sacrorum* (священного царя) – сфера религиозно-культурных и правовых установлений». *Fas*, по мнению Бенвениста восходит к латинскому *faci* «говорить», но обозначает не любую речь, а особую речь – волю богов (1995, 323). *Ius*, таким образом оказывается составной частью божественного права. Здесь на первый план выходит роль того, кто говорит волю богов в применении к данному социуму, то есть, *rex*. Бенвенист его характеризует так: «скорее жрец, чем царь в современном понимании, т. е. лицо, обладающее властью очертить расположение будущего города или определить черты правопорядка» (Бенвенист 1995, 249). *Rex* – тот, кто прокладывает, прочерчивает прямые линии (но если для греков эта функция царя больше связывалась с распределением земельных участков, то для римлян на первое место выступала организация городского пространства – и для обеих культур это было связано и с пространством социума, с правом).²⁰ Это связывало *ius* с архитектурой, строительством – связь, которая неоднократно подчеркивалась исследователями²¹ (особенно через понятие *potha* «строительный угольник, угломер».²² Право, таким образом, пишет Бенвенист (1995, 318), «это то, что должно быть показано, сказано, изречено» (это в равной степени, по его мнению, относится к греческой, римской и германской культурам). При этом несколькими строками выше он выдвигает мысль о том, что право воспринималось исключительно в качестве корпуса формул. «Оно не рассматривалось как наука, не допускало выдумки. Право было закреплено

¹⁸ В статье *ius* (Бартошек 1989, 163).

¹⁹ В статье *fas* (Бартошек 1989, 130).

²⁰ Римская община в этом отношении проявляет себя как городская община в отличие от земледельческого характера греческой. Эта важная черта и ее стоит отметить.

²¹ См., например: Бо 2011, 258–259.

²² Ernout, Meillet 2002, 444.

в кодексе, в своде изречений и предписаний, которые следовало просто знать и применять» (там же).

Два последних тезиса Бенвениста исключают друг друга. Если бы дело обстояло так, и *ius* означал бы только оглашение формулы, он ничем бы не отличался от *lex*. То, что «должно быть показано, сказано, изречено» еще не показано, не сказано и не изречено. Как установление оно существует в миропорядке (не трансцендентном, а имманентном), но оно должно быть выделено в связи с данными обстоятельствами и сформулировано. Вот эту связь-отношение-отсылку частного случая к миропорядку и обозначает, по моему мнению, *ius*.²³ Поэтому и существует столько разновидностей *ius*: *ius privatum*, *ius augurium*, *ius belli*, *ius militare*, *ius publicum*, *ius honorarium*, *ius humanum*, *ius gentium*, *ius civile*, *ius divinum* и т. д., включая, *ius naturale*. Подобное разнообразие никак не может быть применено ни к *fas* (оно одно), ни к *lex* (которых может быть несколько, но их перечень будет исчерпывать все позитивное право, в то время как относительно *ius* возможно бесконечное число образований, в том числе – включающих предыдущие, например: *ius scriptum* (писаное право) – *ius non scriptum* (неписаное).

Указание на отношение к миропорядку и истолкование его объясняет множество значений этого термина – это отчасти и противопоставление как обычаю (произвольному), так и нравственности, следование ему как традиции (когда он соответствует), это отличие от религии и, тем не менее, следование ей, это правомочие, субъективное право, которое одновременно может иметь объективный характер (данное свыше предназначение), это писанный закон и одновременно неписанный, и еще многое другое. При этом в своем глубинном смысле он остается одним и тем же: проявлением божественного миропорядка здесь и сейчас. Прав Д. Макдауэлл, когда пишет, что «право – формальное выражение человеческой веры о правильном и ошибочном поведении»,²⁴ но он все же не договаривает до конца, так как остается неясным основание для различения этих форм поведения, а значит, оказывается выпущенной из виду как раз сама онтологическая база права.

Указание на связь права с миропорядком часто используется исследователями, когда речь идет о мире средневековом,²⁵ но крайне редко, когда речь идет об

²³ Ср.: «...Можно с большой долей вероятности констатировать, что право (*ius*) понималось в древнейшем Риме как божественная воля, которую люди должны были услышать и правильно понять... Таким образом, древнейшее значение термина *ius*, примиряющее две представленные выше этимологические интерпретации, будет чем-то вроде “божественной воли”, “предписания, приказа бога”» (Кофанов 2003).

²⁴ McDowell 1978, 8. Это определение – не что иное, как перефразированное определение права Ульпиана: (*ius*) est ars boni et aequi (право есть искусство доброго и справедливого), *Дигесты* 1. 1. 1 пр.-1.

²⁵ См., например: Tellenbach 1948, 21–22.

античном праве.²⁶ Иногда на это указывают в связи со стоиками, но никак не в связи с ранними этапами становления права, что же касается стоиков, то для них подобное утверждение требует определенного уточнения: право не непосредственно выводится из миропорядка, а через общий элемент (своего рода «логическую форму» Витгенштейна) – разум. А это очень существенно меняет положение дел как для права, так и для миропорядка. Но представления о греческом и римском миропорядке существенно отличались от средневекового хотя бы в том, что для Средневековья устройтеlem порядка и права являлся христианский Бог. Для античного периода боги сами в значительной мере подчинялись праву, и можно привести немало примеров того, как боги склоняли голову перед законом. Видимо, этот закон римляне и называли *fas*.

При всех указанных нюансах различий между Грецией и Римом, факт связи права с миропорядком и значение этой связи остается общим для обеих культур. Вместе с тем эти две правовые системы носят принципиально разный характер, так как «здесь и сейчас» понимаются ими по-разному. И для греков и для римлян на другой стороне выявляемого правом отношения находится община. Но греки понимают ее прежде всего как единство, и отсюда отдельного индивида и его права – только через принадлежность к общине, а римляне общину понимают как единство индивидов, в центре их правовой системы оказывается частное лицо, которого по сути дела греки в такой проекции не знают вовсе. Вот почему в Риме возникает самая совершенная часть права, самая разработанная и оказавшая наибольшее влияние на последующие правовые системы²⁷ – *ius privatum*, частное право.

В большинстве других европейских языков право представлено несколько иначе. Ограничим круг рассмотрения, но представим пары: англ. *law* (*right*) – *law*, франц. *droit* (*droit*) – *loi*, нем. *Recht* (*Recht*) – *Gesetz*, исп. *derecho* (*derecho*) – *ley*, итал. *diritto* (*diritto*) – *legge*, рус. *право* (*право*) – *закон*, укр. *право* (*право*) – *закон*. (В скобках приведен термин для обозначения субъективного права: мое право на...). Здесь заметно отличие английского языка – для двух разных значений права в нем присутствуют различные термины (*law* и *right*), а вот для права и закона, в отличие от всех остальных языков – один.

Что нам говорит этимология? *Droit*, *derecho*, *diritto* – из латинского *directus* (прямой, находящийся под прямым углом; другое значение – прямой, прямодушный). Английский *law* (среднеанглийский *lawè*, староанглийский *lagu*) – заимствование из скандинавского, вероятнее всего, старонорвежского (древнеисландский *lög* «закон», из *lag* «уровень, порядок»), восходит к индоевропейскому **ligjan* «класть; то, что лежит».²⁸ Если пока отложить в сторону славянские языки, то возникает замечательная картина двух языковых семей – романской и

²⁶ Мне, по сути, известен только один пример: Weinreb 1987, но он пользуется другими терминами.

²⁷ VerSteeg 2010, 97.

²⁸ Weekley 1921, 829; Skeat 1967, 286–287; Burnley 1992, 421.

германской. Странно только, что *ius* при всей его значимости в имперские времена и при достаточной устойчивости в пост-имперские, при рецепции римского права по крайней мере с XII века, сохранился только в своих производных *iustitia*, *iurisprudentia* и др. Интересно, что и латинский *lex* сохранился только в испанском и португальском как *ley*,²⁹ а итальянский *legge* лингвисты возводят непосредственно к латинскому *ligare* (собирать, связывать, ср. *obligation* обязательство).³⁰ Это тем более удивительно, что многие из так называемых «варварских прав» именовались термином *lex* (*leges barbarorum*): Салическая правда (*Lex Salica*) VII в., Рипуарская правда (*Lex Ripuaria*) VII в., Визиготская правда (*Lex Visigothorum*) VII в., Алеманская правда (*Lex Alamannorum*) VIII в., Баварская правда (*Lex Baiuvariorum*) VIII в., Фризская правда (*Lex Frisionum*) VIII в., Саксонская правда (*Lex Saxonum*) IX в.³¹

Этому может быть, как представляется, только одно объяснение – эти народы уже имели свой, если можно так выразиться, «образ» права, не совпадавший с образом латинского *ius*. Поэтому они приспособляли латинские термины к своему пониманию и заимствовали их в основном для обозначения того, что представлялось им новым. Каким был этот образ и можем ли мы получить о нем представление? Как уже отмечалось выше, франц. *droit*, исп. *derecho* и итал. *diritto* возводят к лат. *directus* «прямой, расположенный под прямым углом», а также «вертикальный, отвесный».³² Сходное значение мы наблюдаем у англ. *right*³³ и нем. *Recht*.³⁴ Кроме того, ряд исследователей добавляют значения: «правильный, подходящий, справедливый».³⁵ И тот же набор значений мы получаем для славянских языков. Казалось бы, вопрос можно считать исчерпанным. Но есть ряд деталей, которыестораживают и заставляют искать другое решение. Назовем пока одну такую «деталь»: во всех перечисленных языках, включая славянские, эти термины означают не только «право», но и правую сторону (как противоположность левой). И в каждом словаре отмечается, что это значение – позднее, вторичное. Подобное сходство не может не вызывать удивления: каким образом и почему заселившие Европу народы, в подавляющем большинстве, независимо друг от друга используют один и тот же термин для столь разных областей как юридическая и антропологически-пространственная? Влияние практически исключено, во-первых, из-за географической широты распространения указанного значения, а во-

²⁹ Barcia, Echegaray IV, p. 118; Diccionario.

³⁰ Pianigiani 1907, 747; Zambaldi 1889, 683.

³¹ Правда, нужно также учитывать, что некоторые из этих названий были даны позже, исследователями и публикаторами XIX века, например, оригинальным названием *Lex Visigothorum* было *Liber iudiciorum* (Книга приговоров).

³² Scheler 1888, 163; Stappers 1900, 254; Barcia, Echegaray 1887, 669–670; Zambaldi 1889, 345; Pianigiani 1907, 418.

³³ Weekley 1921, 1238; Onions 1966, 763; Skeat 1967, 450; Chambers Dictionary 2006, 929.

³⁴ Kluge 1894, 297; Köbler 1995; Tischner.

³⁵ Kluge 1894, Weekley 1921, Chambers Dictionary 2006.

вторых, из-за позднего времени актуализации (возникновения) данного значения. Например, для английского слова *right*, существование которого отмечено с IX века (в записи того времени *riht*), значение правой стороны впервые зафиксировано в 1125 году.³⁶ Конечно, дата фиксации свидетельствует о моменте возникновения условно, но даже если оно возникло на два века раньше, это ничего не меняет: каким образом оно может совпадать у славянских народов и англо-саксов? Попытка найти некий источник влияния, допустим, норманнов (викинги были и на Руси и в Англии) или ирландских монахов-миссионеров, вызывает серьезные сомнения – возможно ли предположить, что те или другие научили большую часть народов Европы связывать правую сторону с правом? Во Франции *droit* в значении правой руки (стороны) вытесняет прежний термин *destre, dextre* (от латинского *dextra*) в XVI веке (Robert 1970, 517).

Что касается славянского термина «право», то здесь большинство исследователей единодушны. Русский, украинский, белорусский, древнерусский, церковнославянский, болгарский, сербскохорватский, словенский, чешский, словацкий, польский термины происходят из праславянского **pravъ* «прямой, правильный, невиновный»,³⁷ восходящего к первоначальному значению «вперед направленный».³⁸ Происхождение праславянского слова достоверной этимологии не имеет, что отмечал еще А. Мейе.³⁹ Вероятнее всего, это слово происходит от индоевропейского **prō-* «вперед, впереди» (Цыганенко 1970, 365), «вперед выступающий, вперед выходящий, идущий» (Покорны),⁴⁰ «значительный, видный; такой, какой должен быть» (Преображенский).⁴¹ Из этого же корня – латинский *probus* «добрый, честный, порядочный». Собственно существительное «право» в интересующем нас значении – результат субстантивации краткого прилагательного среднего рода единственного числа **pravъ* > *правъ* «истинный; такой, как надо». Здесь опять-таки можно видеть согласие исследователей. Для значения «правая сторона, рука» был термин *десница, десная*, старославянский – *деснь*.⁴² Н. И. Толстой (1997, 151) возводит его к индоевропейскому **decks-to*, **dekstvo*, **deck-sterō*.⁴³ В праславянском языке этот индоевропейский корень дал **desъnъ*.

³⁶ Chambers Dictionary 2006, 929.

³⁷ Фасмер III, с. 352; Преображенский II, 121; Цыганенко 1970, 364–365.

³⁸ Цыганенко 1970, 365.

³⁹ См. Преображенский II, 121.

⁴⁰ Pokorny IX, 815. Ю. С. Степанов (2004, 461) считает, что эта этимология «не вызывает сомнений».

⁴¹ Преображенский II, 121.

⁴² Фасмер I, с. 506. Преображенский I, с. 182) дает вариант *деснь*.

⁴³ См. также: Loth 1912, 255–256. Цит. по: Толстой 1997, 151. Интересно наблюдение Ж. Лота, что для левой стороны не существует общеиндоевропейского слова. Это понятие выражалось разными словами, и сегодня каждый из этих терминов редко распространяется больше, чем на два-три языка. Он связывает это с табуированием левой стороны. О том же: Гамкрелидзе, Иванов 1984, II, 807.

	Др.-греч.	Лат.	Исп.	Итал.	Фр.	Англ.	Нем.	Рус. и укр.
Право в объек- тивном смысле	δίκαιον, δίκη	ius	derecho	diritto	droit	law	Recht	право
Право в субъек- тивном смысле ⁴⁴			derecho	diritto	droit	right	Recht	право
Закон	θέμις, θέμιστος, νόμος	lex	ley	legge	loi	law	Gesetz	закон

Хотел бы высказать несколько предположений, относительно семантики терминов, относящихся к праву. По моему мнению, связь между понятием «право» и правой стороной восходит к периоду куда более древнему, чем формирование национальных языков. В. Пизани формулирует одну из основных норм семантики: «...Новое значение, воспринятое словом, уже существовало как вторичное при предшествующем употреблении слова».⁴⁵ Могло ли значение «правая сторона», «правая рука» быть присуще словам, обозначающим «право» (droit, diritto, derecho, right, Recht, право, правда)? Это кажется маловероятным еще и потому, что термин для правой руки существовал – он восходил к индоевропейскому *decks-to: (фр. *destre*, итал. *destro*, исп. *diestro*, др.-англ. *swīðra*, др.-верх.-нем. *zeso*, ст.-слав. Деснь).⁴⁶

Нет сомнения, что оппозиция правый / левый восходит к очень глубокой древности и характерна не только для индоевропейских народов.⁴⁷ С. М. Толстая (2009, 233) характеризует ее как универсальную семантическую оппозицию, «в которой пространственные отношения получают аксиологическую интерпретацию: правый соотносится с положительным значением (счастье, удача, здоровье, плодородие и т. п.), а левый – с отрицательным (беда, неудача, болезнь, неурожай и т. п.)». Как часть системы универсальных основных признаков (бинарных оппозиций) ее толкуют Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров

⁴⁴ Г. Берман утверждает (и я согласен с его утверждением), что ни *ius*, ни *δίκαιον* не содержали значения субъективного права. «Римское право признавало субъективные обязанности (обязательства), но не признавало объективных прав. То же самое, между прочим, относится и к греческому, и к еврейскому праву» (Берман 1999, 317). Даже то, что мы сегодня описали бы как право гражданства, понималось греками иначе – как своего рода стратификация или статусное, а не правовое распределение. Это очень важная черта, но здесь мы просто отметим ее.

⁴⁵ Пизани 2001, 145.

⁴⁶ Шайкевич 1959, 61.

⁴⁷ Шайкевич 1959; Толстой 1997, 144.

(1974, 259–304) на обширном и разнородном материале. Это противопоставление получает широкое распространение в повседневной жизни и находит свое отражение, в частности, в славянских заговорах, гаданиях, поговорках и других формах.⁴⁸ Важность этой оппозиции для индоевропейской культуры отмечают Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов (1984, II, 783 сл.). Относительно ряда действий строго предписывалось, что их можно делать только правой рукой, например, держать серп во время жатвы, совершать определенные ритуальные действия и др. Для архаической культуры это неудивительно: еще даже моих ровесников-левшей в школе в обязательном порядке переучивали писать правой рукой, в армии исключалась возможность отдавать честь левой рукой, левой рукой нельзя креститься (даже левшам), на площадях советских городов Ленин бодро указывал правой рукой путь в будущее (уверен, что идея поставить тот же памятник в зеркальном варианте рассматривалась бы как подрывающая устои общества и государства). При этом «рука» понималась как символ власти и даже как сама власть: значение индоевропейского *mHr-/n-(t[h]) не только «рука», но и «власть», «отдавать во власть», «править» (Гамкрелидзе, Иванов 1984, II, 806–807).

Итак, что мы получаем в итоге? С одной стороны у нас есть архаическое деление на правый (сильный) / левый (слабый), при этом правый связан с хорошим, а левый с плохим (иногда наблюдаются инверсии при сохранении аксиоматической окрашенности). Есть общеевропейский корень *decks-to для правой руки и правой стороны, при наличии у них семантической связи с представлением о власти. (Мы и сегодня говорим: «править твердой, сильной рукой»). С другой стороны, мы видим индоевропейский корень *reġ- (прямой, проводить прямо, править, управлять, вытягивать, растягивать, поднимать, устанавливать), из которых потом разовьются древнеисландский *rêtrr*, готский *raih̄ts*, немецкий *recht*, английский *right* и многие другие, в том числе латинский *regō*, *reċtum* (*rectus*),⁴⁹ из которых образуются *rex* и *di-rectus(m)*, давшие на новом этапе *diritto*, *derecho*, *droit*. И все эти новообразованные слова, означавший по-прежнему «прямой, находящийся под прямым углом, вертикальный, отвесный, ровный, подходящий, соответствующий, правильный, справедливый» со временем, где раньше, где позже, приобретают также значение «правый (противоположность левому), правая сторона», вытесняя уже существовавший для этого значения термин. Аналогичный процесс наблюдается и в иранских языках.⁵⁰

Причины подобного «параллелизма» остаются неясными. Гипотеза Я. Гримма о романском влиянии,⁵¹ представляется сомнительной даже в отно-

⁴⁸ Иванов, Топоров 1965, 91–98; Толстой 1995, 153–156; Толстая 2009, 233–237.

⁴⁹ Pokorny IX, S. 854–856.

⁵⁰ Шайкевич 1959, 61.

⁵¹ Grimm 1848, II, Kap. XL, 987–988.

шении немецкого языка,⁵² тем более неприменима к самим романским, и уж совсем никак – к славянским и иранским. Как представляется, это может свидетельствовать только об одном: в перечисленных значениях нет одного – может, и не главного, но сплетенного значения, которое могло бы объединять эти две стороны. Такое значение предположительно может быть сформулировано следующим образом: «сделанный (проложенный, прочерченный) как нужно, сделанный правой рукой, сильной рукой, рукой вождя». Тогда оказывается оправданной отмеченная выше связь права с фигурой того, кто чертит прямые линии, будь то раздел земельных участков, закладка дома или определение линии поведения: *rex* и *ius*, и *directus*, и *dexter*, *dextra* (правая рука, десница).

Если это действительно так, то из этого может следовать, что некая часть семемы сохраняется на уровне бессознательного, а потом при определенных условиях оказывается «вызволена» оттуда в сферу явного, сознательного. Естественно, речь идет не об индивидуальном бессознательном (но и едва ли о коллективном в смысле Юнга); скорее, оно присутствует на уровне языка, так как, по всей видимости, передается вместе с ним – значение может оставаться скрытым, как в данном случае, для многих поколений в течение тысячелетия и лишь потом актуализироваться. Это предположение проливает совершенно иной свет на природу языка, в частности, на некоторые феномены, например, утрату языковой общности при эмиграции. Но этот вопрос выходит далеко за пределы нашей темы.⁵³

В итоге мы можем сформулировать предположительно то первоначальное значение права, которое открывает его этимология: *право – это мировой порядок, озвучиваемый, провозглашаемый и прочерчиваемый здесь, в нашем социуме, тем, кто идет вперед(и)* (тем, кто ведет, вождем, сильным, знающим). Такое значение с необходимостью предполагает, что право – это хорошо, это справедливо, это так, как надо, как должно быть. А закон – это уже «застывшее» право, провозглашенное, зафиксированное. Кто такой «тот, кто идет вперед», и почему члены социума полагают (уверены), что он знает, что и как должно быть – тема особая. Здесь ограничимся лишь напоминанием о том, что данное определение – не сущность права самого по себе как оно есть, а только предполагаемый вариант исходного понимания его (индо)европейцами, то есть раннего европейского правосознания.

⁵² См. аргументы против нее: Шайкевич 1959, 62.

⁵³ Надо отметить, что есть еще одно возможное объяснение данного феномена. Возможно, что в тот или иной период оппозиция правый / левый существенно активизировалась, скажем, в связи с развитием права в каждой из культур, что привело к независимому вытеснению старого термина новым. Но мне неизвестны какие-либо факты такого рода, поэтому упоминаю об этом не более, как о логически допустимой гипотезе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартошек, М. (1989) *Римское право: Понятия, термины, определения*. Москва.
- Бенвенист, Э. (1995) *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва.
- Бо, Ж.-П. (2011) «LEX / IUS», *Европейський словник філософій: Лексикон неперекладно-стей*. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, т. 2, с. 258–264.
- Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. (1984) *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Ч. I–II. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета.
- Дворецкий, И. Х., сост. (1958) *Древнегреческо-русский словарь* в 2-х тт. Москва.
- Иванов, Вяч. Вс, Топоров, В. Н. (1965) *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*. Москва.
- Иванов, Вяч. Вс, Топоров, В. Н. (1974) *Исследования в области славянских древностей*. Москва.
- Йегер, В. (2001) *Пайдейя. Воспитание античного грека*. Москва. Т. 1.
- Кофанов, Л. Л. (2003) «Понятия lex и ius в римском архаическом праве», *Древнее право* 11 (2003): <http://www.dirittoestoria.it/iusantiquum/articles/Kofanov-lex-ius-nel-diritto-romano.htm>.
- Надь, Г. (2002) *Греческая мифология и поэтика*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Ницше, Ф. (2012) *Полное собрание сочинений* в 13-ти тт. Москва. Т. 5.
- Пизани, В. (2001) *Этимология (история, проблемы, метод)*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Преображенский, А. (1910–1914) *Этимологический словарь русского языка*. Москва. Т. 1–2.
- Степанов, Ю. С. (2004³) *Константы: Словарь русской культуры*. Москва.
- Толстая, С. М. (2009) «Правый-левый», *Славянские древности*. Москва. Т. 4: 233–237.
- Толстой, Н. И. (1995) «Бинарные противопоставления типа *правый – левый, мужской – женский*», Толстой Н. И. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: 151–166.
- Толстой, Н. И. (1997) «Из географии славянских слов», Толстой Н. И. *Избранные труды*. Москва. Т. 1: 122–222.
- Топоров, В. Н. (2005) «О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа», Топоров В. Н. *Исследования по этимологии и семантике*. Москва: 19–40.
- Фасмер, М. (1986–1988) *Этимологический словарь русского языка*. Москва. Т. 1– 4.
- Цицерон, (1966) *Диалоги: О государстве; О законах*. Москва.
- Цыганенко, Г. П. (1970) *Этимологический словарь русского языка*. Киев.
- Шайкевич, А. Я. (1959) «Слова со значением *правый* и *левый* (Опыт сопоставительного анализа)», *Ученые записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков*. Т. XXIII. Москва: 55–74.
- Barcia, R., de Echegaray, ed. (1887–1889) *Etymológico de la Lengua Espanola*. Т. 1–5. Madrid.
- Breal, M., Bailly, A., eds. (1918) *Dictionnaire Étymologique Latin*. Paris.
- Burnley, D. (1992) «Lexis and Semantics», *The Cambridge History of the English Language*, ed. N. Blake. Cambridge. Vol. 2: 409–499.
- Chambers Dictionary of Etymology* (2006), R. K. Barnhart, Sol Steinmetz, eds. New York.
- Chantraine, P. (1999) *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Paris.
- Diccionario de la lengua española*: <http://buscon.rae.es/draeI>.

- Ernout, A., Meillet, A., eds. (2002⁴) *Dictionnaire etymologique de la Langue Latine: Histoire des mots*. Paris.
- Etyma Latina*: Etymological Lexicon of Classical Latin. London, 1890.
- Gagarin, M. (1986) *Early Greek Law*. Berkeley.
- Gagarin, M. «The Unity of Greek Law», *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge: 29–40.
- Glötz, G. (1904) *La Solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce*. Paris.
- Grimm, J. (1848) *Geschichte der deutschen Sprache*. Bd. 1–2. Leipzig.
- Harrison, J. E. (2010) *Themis: A Study of the Social Origins of Greek Religion*. Cambridge.
- Kluge, F. (1894) *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Strasburg.
- Köbler, G. (1995) *Deutsches Etymologisches Wörterbuch*: <http://www.koeblergerhard.de/-derwbhin.html>.
- Laroche, M. E. (1949) *Histoire de la racine nem- en grec ancien*. Paris.
- Loth, J. (1912) «Romans de la table ronde», *Revue Celtique* 33.
- Magdelain, A. (1978) *La Loi à Rome: histoire d'une concept*. Paris.
- McDowell, D. (1978) *The Law in Classical Athens*. Ithaca, N.Y.
- Meyer, E. A. (2004) *Legitimacy and Law in the Roman World: Tabulae in Roman Belief and Practice*. Cambridge.
- Mommsen, T. (1888) *Römisches Staatsrecht*. Leipzig. Bd. 3.
- Onions, C. T., ed. (1966) *The Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford.
- Pianigiani, O. (1907) *Vocabolario etimologico della lingua italiana*. T. I: A – L. Roma-Milano.
- Pokorny, J. (1950–1956) *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Afl. I–X. Bern.
- Rainer, J. M. (1993) «Recht. Antike», *Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen*. Stuttgart: 489–512.
- Robert, P. (1970) *Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française*. Paris.
- Scheler, A. (1888) *Dictionnaire d'Etymologie Française*. Paris.
- Skeat, W. W. (1967) *A Concise Etymological Dictionary of the English Language*. Oxford: Clarendon Press.
- Stappers, H. (1900) *Le Dictionnaire synoptique d'étymologie française*. Paris.
- Tellenbach, G. (1940, 2012²) *Church, State and Christian Society at the Time of the Investiture Contest*. Oxford.
- Thomas, R. (2005) «Writing, Law, and Written Law», *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge: University Press: 41–60.
- Tischner, H. Etymologie «Gerechtigkeit»: <http://www.heinrich-tischner.de/22-sp/2wo/wort/-idg/deutsch/g/gerk.htm>.
- VerSteege, R. (2010) *The Essentials of Greek and Roman Law*. Durham: California Academic Press.
- Walde, A., ed. (1910) *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg.
- Weekley, T. (1921) *Etymological dictionary of modern English*. London.
- Weinreb, L. L. (1987) *Natural Law and Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Zambaldi, F. (1889) *Vocabolario etimologico italiano*. Citta di Castello.